

З.Г. Сактаганова¹, Г.Б. Карсакова²¹Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан;²Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
(E-mail: zauresh63@mail.ru)

Детская беспризорность в Акмолинской губернии в 1921–1923 гг. и меры по ее ликвидации

В статье рассмотрены последствия голода 1921–1923 гг., охватившего многие регионы КАССР и отразившегося на положении детей. Анализируется деятельность партийно-государственных органов и общественных организаций по спасению детей. На основе архивных источников авторы приводят сведения о количестве беспризорных детей как по республике в целом, так и в северном регионе, в частности, в Акмолинской губернии. Рассмотрены основные причины детской беспризорности, к которым отнесены не только социально-экономические факторы, но и политика военного коммунизма Советского государства, повлекшая за собой разрушение семьи, голод, высокую смертность и др. В условиях беспризорного и безнадзорного детства ребёнок попадал в тяжелейшие жизненные условия, которые отрицательно сказывались на его здоровье, психике, дальнейшей социализации. Делается вывод о том, что детская беспризорность была следствием тяжелого социально-экономического положения республики, обусловленного войной, голодом, разрухой.

Ключевые слова: детская беспризорность, голод 1921–1923 гг., эпидемия, детский дом, коммуны.

Введение

Проблемы, связанные с детской беспризорностью, проявлялись во многих странах в начале XX в., после Первой мировой войны. В Западной Европе и США основными «агентами» в борьбе с беспризорностью стали семьи, которые брали таких детей на воспитание, и благотворительная общественная деятельность. Аналогичный подход был и в России до октября 1917 г., когда частная благотворительность и общественность были широко вовлечены в дело спасения беспризорников. В Советской России возобладала государственная опека над ними, борьба с беспризорностью очень быстро превратилась из социального явления в политическое. Для большевиков важна была не просто ликвидация 7-миллионной (в 1922 г.) [1; 134] детской беспризорности, а борьба, при которой обеспечивался бы приоритет классовых ценностей. Беспризорность не была специфическим явлением пришедшей Советской власти, она неминуемо возникает в переломные периоды, когда государство и общество переживают глубокий кризис в экономической, политической и социальной сферах. Именно такой кризис переживала как вся Советская Россия, так и ее национальные периферии. Проблема беспризорных детей с особой остротой возникала в различные периоды истории, в первую очередь в годы бедствий, связанных с войной, голодом, эпидемиями и другими тяжелыми общественными потрясениями. Одной из важных причин беспризорности являлось и является разрушение семейного быта и естественного уклада жизни. В подобных условиях бездомный ребенок рано выпадал из семьи, включался в уличную борьбу за выживание, при отсутствии всякой помощи взрослых и нормальной детской среды. Не имея родных, дети скитались в поисках пищи, приюта, заботы и внимания и, как правило, не находили их. Существовая в условиях законов улицы, часто попадали под влияние преступных элементов, становились обозленными, воспринимали окружающий мир как враждебный. Большевики понимали, что без принятия системы мер, без помощи государства и общества вырвать беспризорников из замкнутого круга не удастся. Данные меры и анализируются в статье на примере Акмолинской губернии.

Считаем возможным остановиться на термине «беспризорный». В период с 1917 до 1926 гг. точного определения не существовало, поэтому его трактовка была достаточно широкой, слишком общей и неуточненной. Немногочисленные дискуссии на эту тему не решали вопроса [2]. И лишь после выхода постановления ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 8 марта 1926 г. термин «беспризорный» обрел более четкое содержание в советской социальной и воспитательной парадигме [3; 233]. Согласно этому документу детей, оставшихся на улице, разделили на две категории: на собственно «беспризорных» и нуждающихся «в мерах временной или частичной помощи и воспитании». Беспризорными стали признаваться только дети до 16 лет, «которые не имели родителей, взрослых братьев, сестер,

способных принять на себя заботы о них; потерявшие связь с родителями и родственниками; изъятые из семьи постановлением суда или комиссией по делам несовершеннолетних; подкинутые» [3; 238]. Под нуждающимися «в мерах временной или частичной помощи и воспитании» понимали детей, родители которых или опекуны вследствие болезни или по другим причинам не в состоянии были их содержать [3; 238].

Таким образом, со второй половины 1920-х гг. под беспризорностью понималось отсутствие у детей и подростков постоянного места жительства, определенных занятий, семейного или государственного попечения и систематического воспитательного воздействия в результате потери родителей, ухода из семьи, бегства из воспитательного учреждения. Из всей массы беспризорных наиболее нуждающимися в полном обеспечении и воспитании признавались категории беспризорных бездомных и беспризорно заброшенных, в то время как беспризорные безнадзорные считались лишь нуждающимися в охране и в мерах временной или частичной помощи и воспитания [4; 36].

Обсуждение

Основными причинами появления детской беспризорности в начале 1920-х гг. стали Первая мировая война, революции 1917 г., гражданская война, в ходе которой большевики ввели продразверстку, отрицательно сказавшуюся на хозяйственной деятельности российских крестьян и казахских скотоводов-кочевников. Миллионы погибших в эти годы от войн, умерших от голода и эпидемий, разоренных продразверстками, оставляли своих детей сиротами. Дальнейшая жизнь этих детей в условиях переломного времени была трагической. Тотальный голод начала 1920-х гг. породил неслыханную беспризорность с ее прямыми последствиями — детской преступностью, детской проституцией, детским нищенством и нередкими психическими отклонениями у выживших детей и подростков. По информации председателя ЦИК СССР М.И. Калинина, в 1923 г. в Советском государстве насчитывалось свыше 5,5 млн бесприютных, безнадзорных и брошенных детей [5].

Тяжелейшая ситуация в начале 1920-х гг. сложилась и в северных регионах Киргизской (Казахской) АССР, в частности в Акмолинской губернии. Большие масштабы голод приобрел в Акмолинском уезде, имевшем репутацию самого плодородного уезда в Акмолинской губернии. Политика «военного коммунизма», неурожай и джунты 1921–1922 гг. в немалой степени способствовали появлению в уезде «призрака Поволжья» [6; 69]. Голодающие, в особенности жители южных волостей — Асан-Кайгинской и Сары-Аркинской, направлялись в город Акмолинск, где пытались найти работу и улучшить свое бедственное положение. Детские дома были переполнены беспризорными детьми. Население употребляло в пищу кошек, собак, различные суррогаты [7; 12].

Символом того времени стала детская беспризорность. Уже в 1921 г. в советской прессе стали появляться статьи и заметки о беспризорниках, а летом 1922 г. в «Известиях» была опубликована сводка РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции) о детской беспризорности и преступности несовершеннолетних (до этого подобные сведения были достоянием ограниченного круга руководителей страны). С увеличением количества голодающих увеличивалась и детская беспризорность. Например, на 1 декабря 1921 г. беспризорных детей по КАССР насчитывалось 128000 чел., а на 31 декабря — 158000, в январе 1922 г. количество беспризорных увеличилось до 333043 человек [8; 1].

В августе 1921 г. Президиум КазЦИКа рассматривал вопрос о положении детей и молодежи в губерниях республики. В докладе члена Президиума А. Айтиева говорилось, что в голодающих губерниях «132 детдома, в которых находится 44698 детей. Имеется острый недостаток одежды, питания, обуви, посуды. Заболевание среди детей велико: дизентерия, тиф, холера» [9; 71]. Центральная Комиссия помощи голодающим сообщала, «что по данным на июнь 1922 г. обеспечивалось продуктами 777192 человек, из них 422799 детей». На 1922 г. Комиссией по борьбе с последствиями голода в Казахстане были выявлены «219328 беспризорников, для помощи которым была разработана специальная программа с выделением материальных средств. В пяти губерниях были открыты 575 детских домов, 9 детских приемников» [9; 363].

В 1922 г. в Акмолинской губернии насчитывалось 14 детских домов, где находились 9426 детей, и 4 приюта для содержания младенцев с грудного возраста до 3 лет. Как констатируют источники, «детская смертность была высокой и достигала 40 %» [10; 42]. В 1922 г. среди населения г. Петропавловска насчитывалось 300 детей для прокормления. Детские дома были ликвидированы за недостатком средств, и дети перераспределены среди населения волостей «по 1–2 человека на каждое трудовое хозяйство в количестве 1000 человек. Численность детей составляла: Петропавловск — 1396, Кокчетав — 450, Атбасар — 300, Черлак — 150 человек. Всего 2596 детей» [11; 54]. В целом

детская беспризорность в КАССР, несмотря на все усилия Народного комиссариата просвещения и Центральной детской комиссии при КазЦИК, продолжала оставаться острым вопросом. Как одни из мер по борьбе с детской беспризорностью были организованы детские приемники, увеличивалось число детских домов.

В 1920–1924 гг. в губерниях КАССР насчитывалось «196 детских учреждений с числом детей в 15156 человек, беспризорных детей, находящихся вне всякой помощи, по неточному подсчету на 1 января 1924 г. насчитывалось до 45000 человек, которые распределялись по губерниям следующим образом: Оренбургская — 4596, Кустанайская — 5800, Акмолинская — 6900, Семипалатинская — 8000, Уральская — 10600, Букеевская — 2200, Актюбинская — 2404 человека» [12; 56]. Условия жизни детей в этих детдомах были тяжелыми, дефицит проявлялся во всем. В Оренбургской, Кустанайской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Букеевской, Актюбинской губерниях дети детских домов имели лишь по одной смене белья, одеждой теплой обеспечены лишь «на 30 %, обувью на 20–25 %» [12; 56]. Средства, отпускаемые центром на детское питание, были недостаточными, поэтому питание детей было минимальным и однообразным. Дети получали хлеб, пшено и изредка мясо. На содержание детских домов из местных средств отпускались мизерные средства, вследствие их недостаточности. В связи с «недородом» (неурожаем из-за засухи) в большинстве губерний КАССР (первое место среди которых занимали Уральская, Актюбинская губернии, два уезда Акмолинской губернии и частично Оренбургская) детская беспризорность городов значительно увеличилась притоком детей из деревень. Так, например, «в Акмолинской губернии количество беспризорных детей вне детских домов составило 2963 человек» [11; 9].

С 1920 г. органом, курирующим работу по борьбе с беспризорностью, устройству детских домов, по правовой защите детей, помощи бесприютным, стал отдел охраны детства в секторе социального воспитания Народного комиссариата просвещения, выросший из отдела детских домов при Народном комиссариате социального обеспечения. В соответствии с Декретом от 11 февраля 1921 г. Наркомата просвещения РСФСР было образовано Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей до 15 лет. Параллельно шло образование Комиссии по улучшению жизни детей, созданной по инициативе Наркома внутренних дел Ф.Э. Дзержинского 27 января 1921 г. и утвержденной постановлением Президиума ВЦИК 10 февраля 1921 г. [13]. В течение первой половины 1920-х гг. осуществлялись наращивание административных структур и становление системы по борьбе с детской беспризорностью. В апреле 1922 г. при Главном управлении социального воспитания был образован отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних и воспитания дефективных. Главными задачами отдела были признаны защита и правовая охрана несовершеннолетних в самом широком смысле этого слова, а также борьба с беспризорностью. На местах работу по охране детства контролировали уполномоченные Детской комиссии, которым должны были оказывать всевозможную помощь местные исполкомы, парткомы, продовольственные комитеты, отделы народного образования и профсоюзы. Свою работу Детская комиссия начала с тщательного изучения положения детей в республике. По ее распоряжению было предпринято общереспубликанское обследование детских учреждений, которое еще раз подтвердило, что в данный момент основная задача заключалась не в улучшении жизни детей, не в предоставлении им каких-либо дополнительных благ, а именно в «спасении подрастающего поколения от вымирания» [14; 20]. Система ликвидации беспризорности включала выявление и контроль за безнадзорными детьми, неблагополучными семьями, социальную помощь и профилактику беспризорности. Организовывались детские воспитательные учреждения интернатного типа — детские дома, трудовые коммуны, школы-колонии, школы-коммуны, детские «городки» (представляли собой объединение нескольких детских домов, школ, ФЗУ с обслуживающей их инфраструктурой и подсобными учреждениями) и пр. Ликвидация беспризорности также требовала проведения санитарной обработки обитателей подвалов и улиц, в необходимых случаях — лечения, организации питания и учебы детей, предоставления жилья и работы подросткам. Для этого на предприятиях были введены специальные 7 %-ные квоты для производственного обучения и трудоустройства подростков. Одним из основных методов борьбы с детской беспризорностью и преступностью государство считало создание сети разнообразных детских учреждений для сирот и беспризорных, опыт которых отражен в обширной литературе и в архивах республики [15].

КазЦИК ходатайствовал перед Центральной Комиссией по борьбе с неурожаем об отпуске средств «в сумме 472584 руб. на питание и организацию первичных учреждений — питательных пунктов или столовых в течение 7 зимних месяцев для беспризорных детей» [12; 57]. Так, в «г. Петропавловске 8 ноября 1923 г. на заседании Акмолинской Губернской Комиссии постановили:

«8000 пудов ржи распределить так: 1000 пудов отпустить Акмолинской Губернской Детской комиссии на оказание помощи беспризорным детям, предоставив Губкомиссии право распределить это количество ржи по губернии, строго сообразуясь с действительной потребностью на местах. 7000 пудов распределить: 1) 60 %, т.е. 4200 пудов, для уездов: Кокчетавского — 1500, Атбасарского — 1000, Акмолинского — 1250, Черлакского — 450; 2) 200 пудов — выдать Губернскому собесу на содержание беспризорных инвалидов голода» [11; 90]. Для борьбы с детской беспризорностью и голодом планировалось открыть питательные пункты. Сеть питательных пунктов должна была раскинуться по волостным центрам, из расчета по 50 человек в среднем на каждый пункт. Общее количество детей, нуждающихся в помощи питанием, в сельских местностях достигало «12668 человек, которые по губерниям распределяются следующим образом: Актюбинская — 5564, Букеевская — 2158, Акмолинская — 1013, Уральская — 1122, Павлодарская — 1075, Атбасарский уезд — 593 человек» [12; 66 об.]. Питательные пункты должны были выдавать детям горячую пищу один раз в день.

Основными учреждениями для беспризорных детей и подростков были приемники-распределители и детские дома различных типов (существовало около 23 разновидностей названий детских домов). Вначале схема борьбы с беспризорностью была простой: ребенок с улицы — детский приемный пункт — детский дом. Такой порядок очень скоро привел к переполнению детдомов, которые государство было уже не в силах содержать. С переводом в 1923 г. детских учреждений на местный бюджет количество детдомов и детей в них стало резко сокращаться [16; 50].

Еще более усугубил ситуацию с беспризорностью массовый голод в Поволжье в 1921–1923 гг. Учащались случаи, когда на территории КАССР в семьях, прибывших из Поволжья, родители умирали, а ребята становились беспризорными. В те тревожные дни эшелоны с детьми из районов, пораженных голодом, шли на восток страны, чтобы спасти от смерти молодое поколение. Больше всего страдали дети, которых сдавали в детские дома, так как положение в них было зачастую катастрофическим. Так, в архивных источниках отмечается: «В настоящее время в связи со стихийным голодом, постигшим Кирреспублику (Казахскую Республику), смертность детей до 1-го года в наших домах колеблется между 80–90 %, а старше одного года — между 50–60 %. Санитарное состояние детских домов в связи с их перегруженностью и неблагоустроенностью ниже всякой критики: грязь, зловоние, скученность, по трое, четверо детей на одной койке, если таковые имеются, без матрацев, без одеял, без света; дети грязны, голы, босы, проводят целые дни в ожидании полуголодного обеда. Дети чахнут физически и тупеют морально» [17; 37]. В детских домах не хватало постельного белья, одежды, обуви. Тиф, холера, дизентерия, чесотка уносили много детских жизней. Но в большей степени, чем от болезней, дети умирали от истощения, например, только в ноябре–декабре 1921 г. умерли 115 детей. Как следует из материалов Детской комиссии, к 1921 г. «питание детей» не было налажено «положительно нигде». «Дети ведут полуголодное существование, — сообщалось в докладе Детской комиссии Президиуму ВЦИК от 15 апреля 1921 г., — местами питаюсь только хлебом и капустой или мерзлым картофелем» [18; 19 об.].

Точных сведений о численности голодающих детей по республике и по отдельным губерниям не было. Данное обстоятельство делало невозможным плановое снабжение губерний детскими продовольственными пайками. Поэтому первым делом Детская комиссия попыталась установить численность детей в различных регионах для организации снабжения их соответствующим количеством пайков по специально разработанной норме. Суточные нормы первоначально не были едиными для всей республики, а устанавливались в зависимости от местных условий. В среднем по стране каждому воспитаннику закрытого детского учреждения в сутки полагалось «200–300 г хлеба, около 100 г мяса или рыбы и столько же крупы, 300–400 г картофеля, по 12 гр. соли и сахара. В некоторых губерниях в продовольственную норму включали также яйца (по 20 в месяц), молоко (по стакану в день) и овощи (около 200 гр.)» [19; 209]. Положение с питанием детей характеризует телеграмма губисполкома в КазЦИК: «Кирнаркомпродом разрешено для детдомов только 500 пайков, вместо бывших 6710. Детей 10000, положение ужасное, приходится выбрасывать их на улицу. Примите срочные меры» [11; 10]. Некоторые детдома месяцами не получали продукты, и дети разбежались, чтобы не умереть с голоду.

В общей сложности в эти годы более 2300 тыс. человек голодали, около 1 млн человек умерли от голода и болезней. Следует учитывать, что данные сведения неполные, так как регистрация голодающих в Казахстане стала проводиться лишь с ноября 1921 г. И если в ноябре 1921 г. в Казахстане, по данным Народного Комиссариата здравоохранения, голодало «1559911 человек, или на 1 тыс. че-

людей приходилось 315 голодающих, то уже в апреле 1922 г. численность голодающих достигла 2471740 человек» [6; 22].

Архивные материалы рисуют ужасную картину роста количества голодающих на территории Казахстана. Вместе с тем говорить о том, что государство не предпринимало в это сложное время меры по борьбе с голодом и беспризорностью, будет неправильно. Так, Центральная детская комиссия отдала в начале ноября 1921 г. распоряжение губернским комиссиям о том, чтобы детские дома, сады, очаги для детей не закрывались, несмотря на переполненность, а продолжали прием детей. Комиссией было предложено немедленно приступить к открытию специальных домов-приемников для беспризорных детей, в которых они могли бы получить кров, пищу и уход. Более того, Центральная детская комиссия поставила вопрос спасения детей «вопросом дня», призывая все органы власти и население всемерно помочь беспризорным детям. Следует подчеркнуть, что призывы комиссии не остались неуслышанными. Организация детских приемников развивалась довольно быстрыми темпами, не отставала от нее и организация новых детдомов нормального (штатного) типа. Если мы сравним количество детей в детских учреждениях за время с 1 июля 1921 г. по 1 сентября 1922 г., то в целом увидим разницу в сторону увеличения. «Если 1 июля 1921 г. детских учреждений было 423, с числом детей в школах 21551, 1 января 1922 г. — 580, с количеством детей 33342, то 1 июля 1922 г. число их понизилось до 505, однако количество детей увеличилось до 41215 человек. 1 сентября 1922 г. количество учреждений составляет 498 и детей в них 33726» [20; 85].

Голод, судя по неполным статистическим данным (поскольку беспризорность слабо поддавалась учету), напрямую влиял на негативную тенденцию роста беспризорности в республике с 1921 по 1922 гг. Это можно проследить на архивных материалах, данные которых показывают, что по республике «16 ноября 1921 г. — 100000, 1 декабря 1921 г. — 128873, 1 января 1922 г. — 158564, 1 марта 1922 г. — 408022 беспризорных детей» [20; 90]. Такая же отрицательная динамика наблюдалась и по Акмолинской губернии, где число беспризорных детей составляло: «16 ноября 1921 г. — 8176, 1 декабря 1921 г. — 8670, 1 января 1922 г. — 13170, 1 марта 1922 г. — 12000 человек» [21; 230].

Т а б л и ц а

Количество детских учреждений по КАССР и детей, содержащихся в них (сентябрь 1922 г.) [22; 6]

Губерния (уезд)	Детские дома		Приемники	
	Учреждения	Кол-во детей	Учреждения	Кол-во детей
Оренбургская	120	6582	12	1890
Уральская	65	3673	7	1400
Актюбинская	100	6583	7	1550
Кустанайская	53	2909	5	1050
Букеевская	13	588	3	500
Акмолинская	35	1790	7	1550
Семипалатинская	49	2562	4	650
Адаевский уезд	8	449	—	—
Итого	453	25136	45	8590

Расширение сети детских учреждений не решило задачи — число беспризорных, судя по архивным материалам, ежегодно росло. К тому же переполненные детские приемники при недостаточном питании детей, недостатке топлива в них могли превратиться в очаги болезней. Поэтому перед Центральной детской комиссией встал вопрос о вывозе детей за пределы республики — в благополучные районы РСФСР, Туркестанской и Бухарской Республик. Центральная детская комиссия спешно поставила вопрос перед властями о присылке санитарных поездов для эвакуации детей. В 1921 г. в Туркестанскую Республику было «вывезено 5 поездов с детьми в количестве 3271 человек. За 1922 г. на 19 санитарных поездах было вывезено за пределы КАССР 12840 детей: в Бухару — 1 санитарный поезд, остальные — в Россию и Украину. Из этих поездов 4 санитарных поезда были предоставлены для Актюбинской губернии, 6 — для Уральской, 2 — для Кустанайской, остальные — для города Оренбурга» [21; 251].

Таким образом, за все время эвакуации было «24 санитарных поезда и вывезено 16111 детей. Общее количество эвакуированных детей по КАССР было 79500 человек» [22; 5 об.].

В Акмолинской губернии в апреле 1922 г., согласно данным Народного Комиссариата здравоохранения, голодали «472 тыс. человек» [7; 21]. Существенно увеличился уровень сиротства в связи с ростом смертности населения. Повышение смертности объясняется многими обстоятельствами, в числе которых голод, отсутствие медикаментов, разрушение существовавшей системы здравоохранения. Голод в немалой степени способствовал возникновению эпидемий таких заболеваний, как туберкулёз, тиф, оспа, малярия, холера и другие. Например, «в 1922 г. в Акмолинской губернии заболело тифом 36524, холерой — 4731, малярией — 4234, цингой — 1137, дизентерией — 2780 человек» [6; 7]. Начальник Акмолинского уездного здравотдела в своём докладе на губернском совещании отмечал, что «смертность киргиз (казахов) от инфекционных заболеваний (тифа, оспы, туберкулёза) — огромная» [6; 8]. В Акмолинской губернии в 1922 г. «умерло в больницах 8373 человек» [6; 13].

Тяжелая эпидемическая ситуация осложнялась развалом существовавшей системы здравоохранения. Трудное положение сложилось с обеспечением лекарствами и перевязочным материалом. Отпуск медикаментов населению производился в минимальных количествах. В это же время начался стихийный наплыв возвращающихся бывших военнопленных, многие из которых болели венерическими и другими инфекционными болезнями. Все это усугубляло ситуацию. Санитарное состояние детских учреждений в КАССР было далеко не удовлетворительным. Изоляторы не оборудованы, медицинская помощь осуществлялась на низком уровне. Детские дома размещались в непригодных зданиях. Большинство помещений нуждались в капитальном ремонте. Работа по школьно-санитарному надзору осуществлялась слабо, медицинские осмотры школьников проводились с большими нарушениями [23; 527].

Нужно отметить, что одним из важных вопросов в деле борьбы с детской беспризорностью являлся вопрос о подростках. В КАССР насчитывалось «до 7000 подростков» [8; 12], находившихся в детских домах и на улице, совершенно не приспособленных к жизни, не имеющих трудовых навыков. Борьба с детской беспризорностью велась в направлении организации сельскохозяйственных артелей из беспризорных подростков и производственных мастерских, которые могли дать трудовые навыки для будущей самостоятельной жизни. Например, были открыты «в Акмолинской губернии — 1, Кустанайской — 1, Оренбургской — 2, Уральской — 1 и Семипалатинской — 1. Всего 6 коммун» [12; 57]. На участках земли, имеющих при детских коммунах, силами детей производились посевы пшеницы и других злаков. Детские коммуны стали чуть ли не единственными учреждениями, оказавшими реальную помощь беспризорным подросткам республики. Главный контингент беспризорных детей в КАССР — это дети крестьян и рабочих. Вернуть их в ряды трудящегося пролетариата — стало главной задачей Советской власти в борьбе с детской беспризорностью. Отсюда вытекала необходимость организации производственных мастерских: сапожных, столярных, швейных и других. В КАССР действовало 35 различных мастерских. Эти мастерские превратились в подсобный орган по обслуживанию нужд детских домов, например, исполнялась пошивка и починка белья и обуви, переплетались книги и т.д. Для развития трудовых навыков у подростков детских домов и беспризорных государственных органы открывали центральные мастерские, где подростки могли под руководством опытного руководителя хорошо изучить то или иное ремесло, работая в них несколько смен.

Заключение

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что, несмотря на тяжелейшую социально-экономическую ситуацию начала 1920-х гг., Советская власть прилагала немало усилий по включению беспризорных детей в нормальную общественную жизнь посредством организации их физического труда и распределения их по семьям. Говоря о результатах работы с детьми-беспризорниками в 1921–1923 гг., необходимо учитывать сложную ситуацию, в которой находилась в тот период республика. Полностью ликвидировать беспризорность и коренным образом улучшить положение детского населения в 1920-е гг. не удалось, но, если учитывать экономическую ситуацию в стране, было сделано немало. Местные органы власти при поддержке центра прилагали значительные усилия для спасения детей от голода и эпидемий. Создавались различные детские учреждения, в которых детям предлагался широкий спектр услуг — от предоставления жилья до временного трудоустройства. Вместе с тем советским органам не удалось решить проблему ликвидации беспризорных и голодных детей, отчасти из-за тяжелого материального положения республики. Меры принимались, но их было недостаточно. Голод 1921–1923 гг., охвативший повсеместно весь Советский Казахстан, на его фоне вспыхнувшие эпидемии тяжелее всего отразились на положении детей, лишая их здоровья и даже

жизни. Все это в совокупности позволяет нам считать проблему борьбы Советской власти с голодом и ростом числа беспризорных детей в 1920-е гг. нерешенной.

Список литературы

- 1 Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие / А.Ю. Рожков // Вопросы истории. — 2000. — № 11. — С. 134–139.
- 2 Гернет М.Н. Социально-правовая охрана детства за границей и в России / М.Н. Гернет. — М.: Право и жизнь, 1924. — 68 с.; Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: социально-правовые очерки / П.И. Люблинский. — М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. — 302 с.; Куфаев В.И. Юные правонарушители. — 2-е изд. / В.И. Куфаев. — М.: Новая Москва, 1925. — 350 с.
- 3 Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: Сб. документов за 1917–1947 гг. / Сост. Н.И. Болдырев. — М.; Л.: Акад. пед. наук РСФСР, 1947. — 320 с.
- 4 Сажина Н.С. Деятельность государства и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1921–1928 гг.: на материалах Урала: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.С. Сажина. — Екатеринбург, 2003.
- 5 Тополянский В. Репортаж о голоде 1921–1922 годов [Электронный ресурс] / Тополянский В. — Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2008/11/21/35785-reportazh-o-golode-1921-1922-godov> 21.11.2008. № 45.
- 6 ЦГА РК. — Ф. 82. — Оп. 1. — Д. 212. — Л. 7–69.
- 7 ЦГА РК. — Ф. 82. — Оп. 1. — Д. 280. — Л. 7–8, 12–13, 21, 22.
- 8 ГА РФ. — Ф. 1058. — Оп. 1. — Д. 175. — Л. 1, 12.
- 9 ЦГА РК. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 17. — Л. 71–363.
- 10 ГААО (Государственный архив Акмолинской области). — Ф. 115. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 42.
- 11 ЦГА РК. — Ф. 1215. — Оп. 1. — Д. 19. — Л. 9–90.
- 12 ГА РФ. — Ф. 7820. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 16 об., 56–57.
- 13 Луначарский А.В. Дзержинский в Наркомпросе / А.В. Луначарский // О Феликсе Дзержинском: воспоминания, очерки, ст. современников / Сост. И.Е. Поликарпенков. — М.: Советская Россия, 1987. — 333 с.
- 14 ГА РФ. — Ф. Р-5207. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 20.
- 15 Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1926. — 14 февр. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.codex.barrt.ru/>
- 16 ГА РФ. — Ф. 5443. — Оп. 26. — Д. 24. — Л. 50.
- 17 ЦГА РК. — Ф. 82. — Оп. 1. — Д. 104. — Л. 37.
- 18 ГА РФ. — Ф. Р-5207. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 19 об.
- 19 ГА РФ. — Ф. Р-5207. — Оп. 1. — Д. 48. — Л. 209.
- 20 ГА РФ. — Ф. 1065. — Оп. 2. — Д. 113. — Л. 85, 90.
- 21 ГА РФ. — Ф. 1066. — Оп. 2. — Д. 20. — Л. 230, 251.
- 22 ГА РФ. — Ф. 1065. — Оп. 2. — Д. 116. — Л. 5 об.–6.
- 23 ЦГА РК. — Ф. 82. — Оп. 1. — Д. 52. — Л. 527.

З.Г. Сактаганова, Г.Б. Карсакова

1921–1923-ші жж. Ақмола губерниясында балалар панасыздығы және оны жою жөніндегі іс-шаралар

Мақалада 1921–1923 жж. Қазақ АКСР-нің көптеген аймақтарын қамтыған және балалардың жағдайынан көрініс берген аштықтың салдары қарастырылған. Балаларды құтқару жөніндегі партиялық-мемлекеттік органдардың және қоғамдық ұйымдардың қызметіне талдау жасалған. Мұрағат деректерінің негізінде авторлар жалпы республика бойынша, сонымен қатар солтүстік аймақта, атап айтқанда, Ақмола губерниясындағы панасыз қалған балалардың саны туралы мәліметтерді келтірген. Балалардың панасыз қалуының негізгі себептері қарастырылған, олардың қатарына әлеуметтік-экономикалық факторлар ғана емес, сондай-ақ жанұяның бұзылуына, аштыққа, өлім-жітімнің көбеюіне және тағы басқаға алып келген кеңес мемлекетінің саясаты жатқызылды. Панасыз және қараусыз қалған балалық жағдайында балалардың өмір сүруі қиындап, олардың денсаулығына, психикасына, әрі қарай әлеуметтенуіне теріс әсер етті. Балалар панасыздығы соғыстың, аштықтың нәтижесінде туындаған республиканың ауыр әлеуметтік-экономикалық жағдайының салдарынан болды деген қорытынды жасалды.

Кілт сөздер: балалар панасыздығы, 1921–1923 жылдардағы аштық, індет, балалар үйі, коммуна, жанұя.

Z.G. Saktaganova, G.B. Karsakova

Children's homelessness in the Akmola province in 1921–1923 and actions for its elimination

In this article is examined the consequences of the famine in 1921–1923, which involved many regions of Kazakh Autonomous Soviet Socialistic Republic and affected on children's condition. It is analyzed the activities of the party and state authorities and public organizations to rescue the children. On the basis of archival sources the authors cite information on the number of homeless children both in the whole republic and in the northern region, in particular in Akmola province. It is examined the main causes of children's homelessness, which includes along with socio-economic factors also the policy of military communism of the Soviet state, involved the destruction of the family, famine, high mortality rate, etc. In the conditions of the homeless and uncared for childhood, the child fell into difficult life conditions, which negatively affected his health, mind, further socialization. It is concluded that children's homelessness was the result of difficult socio-economic situation of the country which caused to war, famine, devastation.

Keywords: children's homelessness, the famine of 1921–1923, epidemic, the orphanage, communes.

References

- 1 Rozhkov, A.Yu. (2000). Borba s besprizornostiu v pervoe sovetskoe desiatiletie [Struggle against homelessness in the first Soviet decade]. *Voprosy istorii — Questions of History*, 11, 134–139 [in Russian].
- 2 Gernet, M.N. (1924). *Sotsialno-pravovaia okhrana detstva za hranitsei i v Rossii [Social and legal protection of childhood abroad and in Russia]*. Moscow: Pravo i zhizn [in Russian]; Lublinsky, P.I. (1923). *Borba s prestupnostiu v detskom i yunosheskom vozraste: sotsialno-pravovye ocherki [Combating crime in childhood and adolescence: socio-legal essays]*. Moscow: Yurid. izd-vo Narkomiusta [in Russian]; Kufaeв, V.I. (1925). *Yunye pravonarushiteli [Young offenders]*. (2nd ed.). Moscow: Novaia Moskva [in Russian].
- 3 Boldyrev, N.I. (1947). *Direktivy VKP(b) i postanovleniia Sovetskoho pravitelstva o narodnom obrazovanii [The directives of the CPSU (b) and the decisions of the Soviet Government on public education]*. Moscow; Leningrad: Akademiia pedahohicheskikh nauk RSFSR [in Russian].
- 4 Sazhina, N.S. (2003). *Deiatelnost gosudarstva i obshchestvennykh orhanizatsii po likvidatsii detskoj besprizornosti v 1921–1928 hodakh: na materialakh Urala [Activities of the state and public organizations on liquidation of children's homelessness in 1921–1928: on materials of the Urals]*. *Extended abstract of candidate's thesis*. Yekaterinburg [in Russian].
- 5 Topolyanskiy, V. Reportazh o holode 1921–1922 godov [Reporting on the famine of 1921–1922]. *novayagazeta.ru*. Retrieved from <https://www.novayagazeta.ru/articles/2008/11/21/35785-reportazh-o-golode-1921-1922-godov> [in Russian].
- 6 CSA KR. F. 82. I. 1. D. 212. P. 7–69.
- 7 CSA KR. F. 82. I. 1. D. 280. P. 7–8, 12–13, 21, 22.
- 8 SA RF, F. 1058. I. 1. D. 175. P. 1, 12.
- 9 CSA KR. F. 5. I. 2. D. 17. P. 71–363.
- 10 SA RF. F. 115. I. 1. D. 5. P. 42.
- 11 CSA KR. F. 1215. I. 1. D. 19. P. 9–90.
- 12 SA RF. F. 7820. I. 1. D. 16. P. 16 ob, 56–57.
- 13 Lunacharskiy, A.V. (1987). *Dzerzhinskii v Narkomprose [Dzerzhinsky in the People's Commissariat of Education]. O Felikse Dzerzhinskom: vospominaniia, ocherki, st. sovremennikov — About Felix Dzerzhinsky: memories, essays, art. contemporaries*. I.E. Polycarenkov (Ed.). Moscow: Sovetskaia Rossiia [in Russian].
- 14 SA RF, F.P.-5207. I. 1. D. 8. P. 20.
- 15 *Izvestiia TSIK SSSR i VTSIK [News USSR Central Executive Committee and Central Executive Committee]* (1926). Retrieved from <http://www.codex.barrt.ru/> [in Russian].
- 16 SA RF, F.5443. I.26. D.24. P.50.
- 17 CSA KR. F.82. I.1. D.104. P.37.
- 18 SA RF, F.P-5207. I.1. D.8. P.19 ob.
- 19 SA RF, F.P-5207. I.1. D.48. P.209.
- 20 SA RF, F.1065. I.2. D.113. P.85, 90.
- 21 SA RF, F.1066. I.2. D.20. P.230, 251.
- 22 SA RF, F.1065. I.2. D.116. P.5ob, 6.
- 23 CSA KR. F.82. I.1. D.52. P.527.